

ВАЛЕРИЙ БУЗОВКИН

ПУШКИН

МЕЛЬНИЦА ВРЕМЕНИ

КАПИТАН ИЗ 2036 ГОДА
ДОЛЖЕН СПАСТИ ПОЭТА.
НО ИСТОРИЯ ИМЕЕТ
СВОИ ПРАВИЛА...

ПУТЕШЕСТВИЕ
ВО ВРЕМЕНИ

ИРОНИЯ,
ЮМОР, САТИРА

ПУШКИН
КАК ВЫ ЕГО
ЕЩЕ НЕ ВИДЕЛИ

ЛЮБОВЬ,
ЗАГОВОРЫ
И ДРУЗЬ

Валерий Бузовкин

ПУШКИН. Мельница времени

«Автор»

2026

Бузовкин В.

ПУШКИН. Мельница времени / В. Бузовкин — «Автор», 2026

Капитан полиции из 2036 года получает задание — отправиться в прошлое и спасти Пушкина. Всё идёт не по плану с первой секунды — он материализуется на Невском проспекте в минус двадцать в шортах, с кофе и рацией. Его принимают за поэта. Настоящий Пушкин соглашается на подмену. А дальше — балы, заговоры, брейк-данс у императора, техно-поп в кабинете и дуэль, которой не должно было случиться. Смесь «Служебного романа» с «Евгением Онегиным» и «Назад в будущее». Серьёзно? Серьёзно. И это работает.

© Бузовкин В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Санкт-Петербург. Невский проспект. Утро 10 января 1837 года	5
Глава 2. Гостиница «Демут»	7
Глава 3. Зимний дворец. Кабинет Николая I	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

ПУШКИН. Мельница времени

Глава 1. Санкт-Петербург. Невский проспект. Утро 10 января 1837 года

Вспышка разорвала морозный воздух, и Василий материализовался посреди Невского проспекта. Он стоял в полицейской летней форме. На поясе болтались рация, фонарик, наручники и подсумник от фирмы АО «Заслон». В правой руке он сжимал недопитый стаканчик кофе. Зубочистка торчала в углу рта. Ледяной ветер января 1837 года обжигал лёгкие, а воздух был пропитан запахом конского навоза и дёгтя.

Лошадь извозчика, шарахнувшись от внезапного появления человека, встала на дыбы.

— Тьфу ты, леший! Откель взялся?! — закричал извозчик.

— Свят-свят! Мужик в исподнем с надписями! — отшатнулась дама с муфтой.

— Сударь! Вы в своём уме? Немедленно извольте одеться! — строго потребовал подошедший офицер.

Василий огляделся, попробовал сделать глоток из стаканчика и тут же поморщился. Кофе превратился в ледяной комок. Он нажал на кнопку рации.

— Алевтина! Я, конечно, всё понимаю — командировка, секретный эксперимент. Но почему я посреди улицы в минус двадцать в летней форме — шортах и футболке?!

Голос нейросети пробился сквозь помехи, приглушённый, но чёткий:

— Капитан, накладочка вышла. Вы должны были материализоваться в гостинице.

— В какой гостинице?! Я на проезжей части! Меня сейчас лошадь затопчет или карета сшибёт!

Подошёл дворник Антип с метлой, долго и молча разглядывал пришельца, надпись на его спине, потом медленно спросил:

— Эт че за слово? По-ли-ци-я... Это по-каковски?

Василий, стуча зубами от холода, ответил:

— По-аглички, дед. Полиция — это... ну... вроде твоей метлы, только для плохих людей.

Антип взглянул ему в лицо и вдруг широко перекрестился:

— Ба-атюшки... Александр Сергеич! Ваше благородие! Да как же Вас угораздило-то?

Василий приосанился, быстро соображая:

— Свадьба, дед, была отличная. Сестру жены замуж выдавали. Я там так... э-э-э... отплясывал. Впрочем, неважно... Обратно ехал, из кареты выпал. Ограбили по дороге.

— А портсигар серебряный не взяли?

— Портсигар? — Василий похлопал себя по карманам. — А, портсигар! На месте портсигар.

Антип, вздохнув, снял с плеч тулуп и протянул его:

— Держите, Ваше благородие. Вернёте апосля.

Снег продолжал хрустеть под ногами редких прохожих, извозчики кричали: «Пожалуйте!» Василий Козлов, капитан полиции, заброшенный из будущего в прошлое, стоял на тротуаре, вглядываясь в лица прохожих. В 2036-м Пушкина знали по плакатам и сувенирным кружкам. И где-то совсем рядом был человек, которого через две недели...

— Алевтина, ты уверена, что это одна тысяча восемьсот тридцать седьмой год? А не декорации для фильма? — прошептал он.

— На девяносто девять процентов уверена, капитан. Атмосферный анализ в норме. Типично для доиндустриальной эпохи.

— А люди? Они настоящие?

— Биометрия подтверждает - органика. Хотя фасоны... специфические.

Мимо прошла баба в бобровой шубе, за ней семенил лакей с корзиной.

— Поторапливайся, милейший! Барыня ждёт пастилу! — бросила она басом.

— Пастилу... Интересно. — Василий посмотрел на часы. — А где мне найти... Александра Сергеевича?

— По моим данным, он живёт на Мойке, 12. Но сейчас, в десять утра, он, вероятно, либо работает, либо уже на приёме у Бенкендорфа.

— Бенкендорфа? Шефа жандармов?

— Да. Глава Третьего отделения. Фактически — главный цензор империи.

— О, понятно. Значит, у поэта серьёзные проблемы.

Вдруг Василий заметил мужчину в чёрном пальто, который быстро шёл по тротуару, бормоча себе под нос:

— «И с омерзением читая жизнь мою...» Нет, не то. «И с отвращением...» Лучше!

И с отвращением читая жизнь мою,

Я трепещу и проклиная...

— Алевтина, это он? — шепнул Василий.

— Сравнение с портретами... Да, это АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН. Вероятность 99 %.

Пушкин почти столкнулся с Василием. Полицеский дёрнулся, прикрывая лицо воротником тулупа.

— Ах, извините... Я задумался...

— Ничего страшного. Вы, кажется, стихи сочиняете?

— Как вы догадались? Я... да, пытаюсь.

— «И с отвращением читая жизнь мою...» А дальше?

— Вы... вы подслушали?

— Нет, просто угадал. У вас лицо... поэтическое.

Пушкин горько усмехнулся:

— Поэтическое... Скорее, камер-юнкерское. Мне 37 лет, я автор «Евгения Онегина», «Бориса Годунова»... И я должен являться ко двору в золочёном мундире, стоять сзади и смотреть, как танцуют великие княжны.

— Звучит... не очень.

— Унизительно — мягко сказано. — Пушкин вздохнул. — Но вы, кажется, не отсюда. Одежда... странная у вас под тулупом.

— Я из... далёких краёв. Очень далёких.

— Англия? Америка?

— Ещё дальше. Из будущего.

Пушкин посмотрел на него, потом рассмеялся:

— Будущего! Ха! Хорошая шутка.

— Я серьёзно. Я здесь, чтобы... помочь вам.

— Помочь? Мне? В чём?

— В том, чтобы... выжить. В буквальном смысле.

Улыбка сползла с лица поэта. Он побледнел:

— Вы знаете что-то о дуэли?

— Знаю. И о Дантесе. И о Геккерне. И о том, что будет через две недели.

— Кто вы такой? Шпион Бенкендорфа?

— Нет. Я здесь, чтобы Ваши враги не добились своего.

Пушкин молча смотрел на Василия. Потом медленно кивнул:

— Пойдёмте. Здесь не место для разговоров.

Глава 2. Гостиница «Демут»

Номер в гостинице «Демут» выглядел скромно. Воздух пах воском, старой бумагой и печным дымом, треск поленьев в камине заглушал уличный шум. Пушкин сидел в кресле, Василий присел на кровать, прикрывая лицо рукой.

— Итак... вы утверждаете, что предстоящая дуэль окажется для меня роковой? — тихо спросил поэт.

— 27 января. Через две с половиной недели. Пуля попадёт в живот. Вы будете мучиться два дня.

— Я знал... чувствовал. Этот Дантес... он как тень. Всюду.

— Он не главный. Барон Геккерн, голландский посланник. Приёмный отец Дантеса. И он ненавидит Вас.

— За что? Что я ему сделал?

— Вы — гений. Вы — слава России. А он — интриган, который играет в интересах Англии. И он использует Дантеса, чтобы через Вашу жену и Вас досадить царю. Дантес чрезмерно открыто ухаживает за Натальей Николаевной. Сплетни уже распространяются. Анонимные письма...

— Я получал! «Кавалеры первой степени...»!

— Это часть их плана. Оскорбить Вас и завладеть архивом.

Пушкин встал, начал ходить по комнате, стуча каблуками по половицам:

— Что же делать? Отказаться от дуэли — это не про меня!

— Есть другой вариант. Я заменю Вас.

— Что?!

— Временно. Я буду жить Вашей жизнью. А Вы... отдохнёте. В Михайловском.

— Это безумие! Хотя, постойте! Как я сразу не заметил! Уберите руку от лица. Вы же моя копия!

— Это всего лишь хороший грим. Личный гримёр Сергея Безрукова поработал над моим лицом. Ваш родной отец нас не различит.

— И что... я должен просто исчезнуть? Бросить жену, детей?

— Ненадолго. Пока я не выведу из игры Геккерна и Дантеса.

Пушкин задумался. Потом посмотрел Василию прямо в глаза:

— Почему? Почему вы хотите помочь мне? Что вам с этого?

— В моём времени Вы — национальный символ. Ваша смерть — трагедия для всей русской культуры. Если я спасу Вас... может быть, история изменится.

— История... Она всегда идёт своим путём. Как река. Попробуй изменить её течение — сметёт. — Поэт горько усмехнулся.

— Но можно построить плотину. Или прорыть канал. Хотя бы на время.

Василий достал из кармана табакерку с нарисованной ветряной мельницей.

— Я вижу, Вы мне всё ещё не верите. Посмотрите на этот рисунок. Мельница стоит в поле, крылья крутятся. Ветер дует — она вертится. Ветер стих — она стоит.

А ведь течение времени — это та же мельница. Она всегда крутится в одну сторону. Из прошлого в будущее. День за днём, год за годом. Мы рождаемся, живём, умираем. И, кажется, что изменить ничего нельзя. Судьба написана, история predetermined.

Но один мой коллега, учёный, придумал такую штуку. Видите эти крылья? Если ветер дует — мельница крутится по часовой стрелке. А если развернуть ей крылья... всего на несколько градусов... То та же сила, тот же ветер будет крутить её в обратную сторону. На этом

принципе основан экспериментальный темпоральный модулятор — «Мельница времени», так называемая машина времени.

Так и в жизни. Я тоже всегда считал, что время течёт только вперёд. Что прошлое неизменно. Но вот я перед Вами, хотя совсем недавно находился в своем далёком 2036 году.

Долгая пауза повисла в комнате. Пушкин долго смотрел на «Мельницу времени» в руках Василия, потом произнёс:

— Хорошо. Я согласен. Но с условиями.

— Какими?

— Во-первых, вы не будете... флиртовать с Натали. Она моя жена.

— Конечно. Я буду вести себя корректно.

— Во-вторых, вы не будете писать стихи от моего имени.

— Согласен. Хотя... может, пару строчек?

— Ни строчки! В-третьих... если что-то пойдёт не так, вы немедленно вернёте мне мою жизнь.

— Договорились.

Пушкин протянул руку. Василий крепко пожал её.

— Когда начинаем?

— Сейчас же. — Василий вздохнул. — Ладно. Пора домой. На Мойку, 12.

— Удачи... мне. — Пушкин слабо улыбнулся.

В дверь номера постучали. Голос портье из-за двери произнёс:

— Александр Сергеевич, извините за беспокойство. Тут за Вами кавалергарды императорские приехали, говорят — царь вас хочет видеть.

Василий вздохнул, встал. Пожал руку Пушкину и вышел из номера.

Глава 3. Зимний дворец. Кабинет Николая I

Кабинет Императора в Зимнем дворце пах сургучом, дорогим табаком и зимней свежестью, пробивавшейся сквозь высокие окна. Николай I сидел за массивным столом. «Пушкин» (Василий) стоял. Император был мрачен. На столе лежала рукопись — «Сказка о золотом петушке».

— Александр Сергеевич, — начал царь, не поднимая глаз от бумаг. — Объясните мне. Это про меня?

Василий почувствовал, как холодеют кончики пальцев, и стал лихорадочно вспоминать. Так, «Золотой петушок» — сказка о царе Дадоне, который получил волшебного петушка, предупреждающего об опасности, но в итоге погиб от рук Шамаханской царицы.

— Ваше величество, — начал Василий осторожно. — Сказка есть сказка. Народный сюжет...

— Народный сюжет?! — Николай I наконец поднял голову. Его глаза сверкали, как невольский лёд в свете газовых уличных фонарей. — Царь, который доверяет чужеземному волшебнику? Который получает предупреждения, но не может защитить своё царство? Который гибнет от женщины? Это про меня, Александр Сергеевич?

— Ваше императорское величество... Я...

— Молчите. Сначала послушайте. — Император поднял журнал. — «Где-то, в тридевятом царстве, в тридесятom государстве, жил-был славный царь Дадон...» Дадон. Надо же, какое вы обидное имя царю подобрали! Звучит как «Додон». А в народных говорах слово «додон» означает нескладного, несуразного, неуклюжего человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.